

**Я ТЕБЯ
НЕ ЗНАЮ**

ИВАН КОВАЛЕНКО

**Я ТЕБЯ
НЕ ЗНАЮ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

Коваленко, Иван Юрьевич.

К56 Я тебя не знаю / Иван Коваленко. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с. — (Метод молчаливого допроса. Детектив).

ISBN 978-5-04-189114-5

В Москве при загадочных обстоятельствах умирает молодой художник Давид. Полиция уверена, что это самоубийство вследствие передозировки снотворного.

Однако у сыщика Тимофея Лотоцкого другое мнение. Он пытается установить причастность к случившемуся подруги художника, Алисы. Девушка ведет себя очень странно: сама себе пишет письма, подробно анализирует их отношения с Давидом, что при жизни доводило художника до депрессии. К тому же она слишком спокойно и даже весело восприняла известие о его смерти.

Используя необычную систему допросов, когда он не задает подозреваемому ни одного вопроса, а только молча «сканирует» его внутреннее состояние, Тимофей начинает работать с Алисой. И впервые за свою практику ничего «не слышит» в ответ, словно обращается не к тому человеку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коваленко И.Ю., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-189114-5

Пролог

События, о которых вы прочитаете дальше, произошли на самом деле. Или же нет — решать вам.

Но сначала расскажу о фотографии. На ней женщина оглядывается и смотрит в объектив камеры. Снимок сделан возле станции метро «Цветной бульвар» в Москве. И после того как был сделан снимок, мы почти сразу же познакомились.

Анисия! Любой будет очарован ее именем. И я был очарован: и именем, и взглядом, и тем, как она держалась со мной — мужчиной, который появился из ниоткуда и щелчком затвора фотоаппарата сотворил ее еще раз в черно-белом цвете.

В тот весенний день произошло необыкновенное — ее и мои ангелы-хранители подружились. А после возникли истории. Их автором была она же, моя

жена Анисия. Голубые глаза, мягкий голос и губы, на которые я смотрю и смотрю. Люди из этих рассказов, как оказалось, живые персонажи. Почти всех я видел воочию. Кто они?.. Следователь, который должен раскрыть убийство. Пожилой человек, оставляющий свою жену по ночам. Девушка, красивая и загадочная, — может быть, она и есть убийца? Персонажи настолько странные, что собрать их воедино на страницах этой книжки оказалось непросто...

I

«Велика слава твоя, Израиль!

*Велика правда твоя, и радость моя —
в тебе.*

Моря твои питают почву, земли укрощают строптивых.

*Дух укрепляет сынов твоих. И истина
воссияет вне времени.*

С днем рождения, Тимофей Александрович!

*Удачи на работе! И устрой наконец свою
личную жизнь!»*

«Милое поздравление от коллеги», — подумал Тимофей и улыбнулся.

Сегодня, выходит, день сюрпризов. Еще рано утром, едва проснувшись, он столкнулся с необычным ощущением. Возможно, дело именно в нем, числе 40. Для мужчины и полицейского — самый расцвет. Меньше всего Тимофей любил оценивать жизнь с точки зрения рубежей

и границ, правил и условностей, но сегодня, раздвинув шторы, посмотрев в окно и заварив утренний кофе, он эту потребность ощутил. В зеркале было то же самое лицо. Одежда все та же: рубашка и клетчатый пиджак с «заплатами» на локтях. Те же самые часы на руке. И за спиной — небольшая квартира, где, кроме него, никто не появляется. Но сегодня день его рождения, и если ему суждено дожить до восьмидесяти лет, то сорок лет — середина пути. А если судьба приготовила жизнь покороче, то эта вершина давно пройдена и тогда есть о чем задуматься.

И тут еще открытка от Варвары на рабочем столе с ее любимыми аллюзиями на Библию.

Его зовут Тимофей, а однажды она сравнила его с Израилем: «Такой же мудрый, как эта страна, и такой же безмолвный, как ее великие подвижники».

Молчаливый сыщик.

Так называли Тимофея Александровича все: друзья, коллеги-полицейские — и преступники.

Именно о преступниках — людях, появлявшихся перед его глазами каждый

день, — он думал чаще всего. И чем старше становился, тем навязчивее были такие мысли. Будто разум играл с ним в игру, которую можно назвать «пойми жизнь», а можно — «смирись с тем, что не поймешь ее никогда».

Если собрать всех убийц и воров, существовавших со времен Адама, то сколько хлебов понадобится, чтобы накормить их — Каина и прочих?

Если соединить их мысли воедино, то что появится при этом — черная дыра или океан?

И их судьбы... Сколько в них от предначертанного, а сколько от человеческой слабости (которая на деле оказывается великой силой, потому что нельзя, будучи слабым, убить человека)?

День рождения — необычный день. Судьба приготовила ему и самый необычный допрос. Его допросы всегда были особенными. И это была главная странность Тимофея Александровича: он мог сидеть с подозреваемым очень долго, и за это время оба не произносили ни звука.

Краем глаза он следил за задержанным, который с каждой минутой чувствовал себя все более неловко. Все они ждут вопросов, агрессии и четко определенных ролей. А сталкиваются с удивительной реальностью — молчанием, к которому нельзя приспособиться, не став при этом самим собой, преступником или же невиновным. Поэтому почти всегда после двадцати или тридцати минут тишины, еще не задав первого вопроса, Тимофей знал для себя практически все, что хотел знать. И тогда сообщал коллегам: «Вы правы, это он (или она)». Или же: «Уверен, что нет».

Тимофей — молчальник. Человек без слов. Ищущий правду там, где пролегает граница видимого и невидимого.

По большому счету все, что делает Тимофей, помогает коллегам. Зная, что тот никогда не ошибется, они передают ему задержанных в сложных и неопределенных ситуациях, чтобы знать, где можно надавить и сыграть с обвиняемым ва-банк, а где оставить человека в покое и не тратить на него силы. С некоторых пор ни одной ошибки — поразительно!

Но сначала перед ним находится щуплый человек с редкими волосами. Все в нем говорит о плохо скрываемом нетерпении. «Что, начинать-то будем?» — спрашивает он наконец у Тимофея.

Все, считай, что половина дела, если не больше, уже сделана. Виновный в девяноста процентах случаев не заговаривает сам, поскольку только и мечтает о том, чтобы отсрочить допрос — полный лжи и оправданий. А если и заговаривает, то из-за чувства вины. Но в таком случае не бывает суеты. А торопливость этого человека говорит о нетерпении — желании поскорее разобраться с происходящим, чтобы пойти и жить дальше.

По его тональности можно сказать, что грешков за ним хватает. Не ангел он, конечно, а может быть, даже и олицетворение зла, но не в данном конкретном деле. По большому счету его уже можно отпускать. Он заговорил на пятнадцатой минуте. Именно та точка отсчета, когда сдаются невиновные.

«По мне, он чист, — говорит Тимофей своему коллеге. — Сверх его по другим преступлениям, возможно, там что-то будет, но в данном случае он невинная птица».

Молчание может быть разным. Вязким (и чаще бывает именно таким) или прозрачным. А иногда тусклым, и так тоже часто бывает. Человек со своей поврежденной природой не умеет жить одним моментом, он перескакивает во всем с одного на другое или, что еще хуже, безвольно плывет по течению, и тогда его молчание становится особенно невыносимым.

Минута-другая, человек все еще ждет, что начнется какой-то разговор. Возможно, он собирается с мыслями или пытается что-то заранее сформулировать. К Тимофею не попадают «смирившиеся». Невозможно до конца смириться, пока не знаешь свою судьбу. Смириться, конечно, возможно, — где-то в монастыре, в келье старца, — но не здесь, на острие добра и зла. К тому же совсем безвинные к нему не попадают. В крайнем случае будет, как в последний раз, когда по данному обвинению человек был чист, но в итоге у него обнаружили связи, которые привели к другим преступникам. Получается, что Тимофей неожиданно помог раскрыть одно из зависших дел. И за это его все ценили.

Десять минут. Предел, после которого все чувства обостряются — и в нем самом, и в человеке напротив. Но оба молчат. С этого момента погруженность Тимофея в бумаги — лишь видимость и отработанная механика. Листки всегда перед ним одни и те же и вообще не имеют никакого отношения к криминалистике. А сам он становится «ощущением», и тело его перестает быть телом.

У виновного человека есть своя «тональность». У каждого со своими особенностями, но всех их что-то объединяет. Тимофей даже не пытался подобрать этому «что-то» подходящее слово. Поэтому никто из коллег давно не просил у Тимофея доказательств. Для них он был хорошим помощником, который «оптимизировал» силы отдела. «Если бы не Тимофей!» — говорили они.

Иногда (например, между пятнадцатой и семнадцатой минутами) Тимофей мог ненадолго поднять глаза и посмотреть на человека, сидевшего напротив, который изнывал. Его взор при этом был как бы рассредоточенным — чтобы не столкнуться со взглядом задержанного. Но мозг считывал все детали, которые мог-

ли сказать о ситуации больше, чем слова: пульсирующая жилка на шее, замершие (или нет) пальцы рук, вся поза в целом.

Искусством являлось и то, чтобы как можно быстрее вернуться обратно — в конкон ощущений. Зрительные образы, если их будет слишком много, перебыют собой все чувства, поскольку в этих зрительных образах, как и во всем видимом, слишком много конкретики, а ее даже не шелухой следовало бы назвать, а глухой глиняной стеной. Ее кто-то построил, она прочная, но ни домом, ни его жителями она не является.

В конце концов эти люди заговаривают. И их голоса — надтреснутые, дрожащие или нарочито уверенные — свидетельствуют против них. Но чаще всего ничего от «образа» к двадцатой минуте не остается.

Самое важное при этом — поддерживать человека напротив в тонусе, не позволить ему впасть в полусонную апатию. Поначалу такое случалось несколько раз, и тогда Тимофей пожимал плечами и говорил: ничего не получилось. Но позже он научился контролировать «область тиши-

ны» и ее настроение — в том самом нужном напряжении, которое будет длиться ровно столько, сколько нужно.

«Как у тебя это получается?» — спрашивали коллеги восхищенно.

«Я не знаю», — отвечал он.

«Ох и неисповедимы же пути Тимофея!» — шутили ему вслед по-доброму, потому что для полицейского участка он давно стал своим ангелом-хранителем: никому не понятен, по сути своей невидим, но с ним хорошо и спокойно.

И вот сейчас — подозреваемая. Или убийца. Во взгляде этой молодой женщины он увидел пустоту, а именно в глаза он смотрел в первую очередь. Потом обращал внимание на движения. И только затем принимался за свой главный инструмент дознания — наблюдать за молчанием.

Она держала руки на коленях, а он листал лежавшие перед ним бумаги.

Ей уже задавали вопросы, и она на них отвечала. Теперь его очередь спрашивать.

(«Тимофей, это девушка погибшего художника. Алиса Григоренко, — сказали